

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Беклямишев Владимир Олегович

Исторические аналогии в политическом дискурсе

5.5.1 – История и теория политики

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата политических наук

Москва – 2023

Диссертация подготовлена на кафедре истории и теории политики
факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

- Научный руководитель** – *Шутов Андрей Юрьевич* –
доктор исторических наук, член-
корреспондент РАН, профессор
- Официальные оппоненты** – *Ачкасов Валерий Алексеевич* –
доктор политических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет, заведующий кафедрой
международных политических процессов
- Кринко Евгений Федорович* –
доктор исторических наук, Южный научный
центр РАН, заместитель директора по
научной работе
- Шестов Николай Игоревич* –
доктор политических наук,
профессор, Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского,
профессор кафедры политических наук

Защита диссертации состоится «30» мая 2023 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.055.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), факультет политологии, аудитория Г-630.

E-mail: dissovet.msu@mail.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/055.2/2503>

Автореферат разослан «___» апреля 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета МГУ.055.2,
кандидат политических наук, доцент

А.В. Абрамов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Первая половина 1980-х гг. ознаменовалась «мнемоническим поворотом» в гуманитарных и социальных науках. Методологическое различие истории (научной дисциплины) и коллективной памяти (совокупности социальных механизмов, в том числе способствующих формированию политических идентичностей) позволило очертить границы новой междисциплинарной области — мнемонических исследований («memory studies»), в рамках которой начали изучаться коллективно разделяемые представления о прошлом и формирующие их коммеморативные практики.

Рассматривая «историческую политику» в общем контексте отраслевых политик — интенсивно развивающегося направления современной политологии, российские политологи обрели возможность осваивать это проблемное поле, опираясь на методологический аппарат собственной дисциплины. Через призму данной оптики коллективные представления о прошлом видятся, в первую очередь, полем конкурентной борьбы, участниками которой являются акторы, стремящиеся утвердить собственные интерпретации в качестве доминирующих. При этом нередко за скобки оказывается вынесен тот факт, что эти акторы, в свою очередь, сами находятся в пространстве коллективной памяти и в определенной степени подвержены ее влиянию.

Диалектический характер данной ситуации хорошо виден при рассмотрении функциональной роли *исторических аналогий*, включаемых в разные сегменты политического дискурса. С одной стороны, параллели с прошлым служат инструментом *легитимации* ранее принятых решений. С другой стороны, они же используются в процессе *выработки* тех или иных политик. Чтобы понять, как соотносятся на практике эти модусы, требуется иная методология, в рамках которой исторические аналогии рассматривались бы в качестве «связующего звена» между прагматическими интересами

политических акторов, рамками разных сегментов политического дискурса, коллективными представлениями о прошлом и механизмами индивидуального мышления.

Указанные обстоятельства предопределили выбор темы диссертационного исследования, **актуальность** которого обусловлена:

– увеличением удельного веса исторических аналогий в разных сегментах политического дискурса как в России, так и за рубежом, в условиях воздвижения коммуникационного барьера между профессиональным и обыденным историческим сознанием;

– необходимостью концептуализировать понятие «историческая аналогия» применительно к изучению политического дискурса, выделив его среди иных дискурсивных форм «политического использования прошлого»;

– востребованностью более нюансированного подхода к изучению функциональной роли исторических аналогий в разных сегментах политического дискурса;

– потребностью в синтезе методологических наработок различных дисциплин (истории, политологии, философии, психологии, лингвистики, теории международных отношений), предметом которых ранее становились исторические аналогии в политическом дискурсе;

– недостаточной проработанностью методологии, позволяющей анализировать интенции политических акторов, ориентируясь на репертуар используемых ими исторических аналогий.

Степень научной разработанности проблемы. Начало изучению исторических аналогий в политическом дискурсе было положено в середине 1960-х гг., когда американский историк Г. Фейс впервые поставил вопрос о влиянии «того, что может быть названо «историческими воспоминаниями» (historical recollections) на некоторые из выдающихся решений американской

дипломатии военного времени»¹. Эти идеи были впоследствии развиты и популяризированы Э. Мэем².

В обширном корпусе литературы, посвященной данной проблематике, на сегодняшний день могут быть выделены несколько групп.

Первую группу составляют работы преимущественно американских авторов, рассматривающих исторические аналогии в контексте выработки и принятия политических решений. Фундаментальный вклад в обособление этого сегмента проблемного поля на стыке реалистической парадигмы в теории международных отношений (далее — МО) и политико-психологической теории принятия решений внес политолог Р. Джервис, включивший изучение исторических аналогий в свою «теорию восприятия» — как микроуровень анализа МО³. Дальнейшее развитие его идей связано с именами Я. Верцбергера⁴, Ю.Ф. Хонга⁵ и их последователей, проанализировавших множество различных ситуаций принятия внешнеполитических решений с опорой на исторические прецеденты⁶. Данные исследования, как правило, играли вспомогательную роль,

¹ Feis H. Some notes on historical record-keeping, the role of historians, and the influence of historical memories during the era of the Second World War / The historian and the diplomat: The role of history and historians in American foreign policy. NY: Harper & Row. 1967. P. 91.

² May E. «Lessons» of the past: the use and misuse of history in American foreign policy. NY: Oxford University Press. 1973. 220 p.

³ Jervis R. Perception and misperception in international politics. NJ: Princeton University Press. 1976. 464 p.

⁴ Vertzberger Y. I. Foreign policy decision-makers as practical-intuitive historians: applied history and its shortcomings // International Studies Quarterly. 1986. Vol. 30. Issue 2. Pp. 223–247.

⁵ Khong Y. Analogies at War: Korea, Munich, Dien Bien Phu, and the Vietnam Decisions of 1965. NJ: Princeton University Press. 1992. 304 p.

⁶ Angström J. Mapping the competing historical analogies of the war on terrorism the Bush presidency // International Relations. 2011. Vol. 25. Issue 2. Pp. 224–242; Dyson St., Preston T. Individual Characteristics of Political Leaders and the Use of Analogy in Foreign Policy Decision Making // Political Psychology. 2006. Vol. 27. Issue 2. Pp. 265–288; Garofano J. Historical Analogies and the Use of Force // Journal of Cold War Studies. 2004. Vol. 6. Issue 2. Pp. 64–68; Gilovich T. Seeing the past in the present: The effect of associations to familiar events on judgments and decisions // Journal of Personality and Social Psychology. 1981. Vol. 40. Issue 5. Pp. 797–808; Hehir A. The impact of analogical reasoning on us foreign policy towards Kosovo // Journal of Peace Researches. 2006. № 43. Issue 1. Pp. 67–81; Houghton D. Historical analogies and the cognitive dimension of domestic policymaking // Political Psychology. 1998. Vol. 19. Issue 2. Pp. 279–303; Houghton D. Spies and Boats and Planes: An Examination of U.S. Decision-Making during the Pueblo Hostage Crisis of 1968 // Journal of Cold War Studies. 2015. Vol. 17. Issue 4. Pp. 4–40; Jespersen Ch. Analogies at war // Pacific Historical Review. 2005. Vol. 74. Issue 3. Pp. 411–426; Kamali Y., Jooshani S. S. Reasoning in Foreign Policy Making from the Analogy Perspective: The Case Study of Iran's Nuclear Issue // Asian Politics & Policy. 2019. Vol. 11. Issue 2. Pp. 208–226; Kornprobst M. Comparing Apples and Oranges? Leading and Misleading Uses of Historical Analogies // Millennium. 2007. Vol. 36. Issue 1. Pp. 29–49; Levy J. S. Learning and foreign policy: sweeping a conceptual minefield // International Organization. 1994. Vol.

способствуя уточнению мотивации конкретных политических акторов к выбору той или иной стратегии. Вместе с тем, именно в ряде из них были предприняты первые теоретические попытки систематизировать и типологизировать политические функции исторических аналогий⁷.

Вторая группа работ начала складываться с конца 1980-х гг., когда приоритет был отдан изучению роли исторических аналогий в контексте борьбы политических акторов за «символическое» доминирование⁸. Смена акцентов позволила не только описать публично-политические функции исторических аналогий, не рассматривавшиеся ранее, но и глубже осмыслить их роль в обосновании т. н. «гуманитарных интервенций» и формировании международной повестки дня⁹.

48. Issue 2. Pp. 279–312; Macdonald S. Hitler's Shadow: Historical Analogies and the Iraqi Invasion of Kuwait // *Diplomacy & Statecraft*. 2002. Vol. 13. Issue 4. Pp. 29–59; Prémont K., David Ch.-Ph., Boucher V. The Clash of Historical Analogies and Their Influence on Decision-Making: The Case of Iraqi Reconstruction Under George W. Bush // *Diplomacy & Statecraft*. 2018. Vol. 29. Issue 2. Pp. 298–327; Saltzman I. Z. Making war, thinking history: David Ben-Gurion, analogical reasoning and the Suez Crisis // *Israel Affairs*. 2016. Vol. 22. Issue 1. Pp. 45–68; Samman A. Crisis theory and the historical imagination // *Review of International Political Economy*. 2015. Vol. 22. Issue 5. Pp. 966–995; Spellman B., Holyoak K. If Saddam is Hitler then who is George Bush? Analogical mapping between systems of social roles // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 62. Issue 6. Pp. 913–933; Tierney D. Pearl harbor in reverse: moral analogies in the Cuban missile crisis // *Journal of Cold War Studies*. 2007. Vol. 9. Issue 3. Pp. 49–77.

⁷ Record J. *Making War, Thinking History: Munich, Vietnam and Presidential Use Of Force From Korea to Kosovo*. Annapolis: Naval Institute Press. 2002. 201 p.

⁸ Edwards J.A. Staying the course as world leader: Bill Clinton and the use of historical analogies // *White House Studies*. 2007. Vol. 7. Issue 1. Pp. 53–71; Kaarbo J., Kenealy D. Precedents, parliaments, and foreign policy: historical analogy in the House of Commons vote on Syria // *West European Politics*. 2017. Vol. 40. Issue 1. Pp. 62–79; Leira H. Political change and historical analogies // *Global Affairs*. 2017. Vol. 3. Issue 1. Pp. 81–88; Link J. Historische Analogien: Strukturen und Funktionen // *Kulturrevolution. Zeitschrift Für Angewandte Diskurstheorie*. 1991. Vol. 24 Pp. 3–9; Paris R. Kosovo and the Metaphor War // *Political Science Quarterly*. 2002. Vol. 117. Issue 3. Pp. 424–451; Rosenfeld G. D. An American Führer? Nazi Analogies and the Struggle to Explain Donald Trump // *Central European History*. 2019. № 52, Pp. 554–587; Taylor A., Rourke J. T. Historical Analogies in the Congressional Foreign Policy Process // *The Journal of Politics*. 1995. Vol. 57. Issue 2. Pp. 460–468.

⁹ Akrivoulis D. E. Metaphors Matter: The Ideological Functions of the Kosovo–Holocaust Analogy // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2015. Vol. 17. Issue 2. Pp. 222–242; Baines G. Vietnam analogies and metaphors: the cultural codification of South Africa's Border War // *Safundi*. 2012. Vol. 13. Issue 1–2. Pp. 73–90; Bates B. Circulation of the World War II/Holocaust analogy in the 1999 Kosovo intervention: Articulating a vocabulary for international conflict // *Journal of Language and Politics*. 2009. Vol. 8. Issue 1. Pp. 28–51; Bourdon J. Outrageous, inescapable? Debating historical analogies in the coverage of the Israeli–Palestinian conflict // *Discourse & Communication*. 2015. Vol. 9. Issue 4. Pp. 1–16; Davis J. W. Abusing the Holocaust Analogy? // *Security Studies*. 2006. Vol. 15. Issue 4. Pp. 706–712; Desch M. C. The Myth of Abandonment: The Use and Abuse of the Holocaust Analogy // *Security Studies*. 2006. Vol. 15. Issue 1. Pp. 106–145.; Finney P. On Memory, Identity and War // *Rethinking History*. 2002. Vol. 6. Issue 1. Pp. 1–13; Droumpouki A. M. Trivialization of World War Two and Shoah in Greece: uses, misuses and analogies in light of the current debt crisis // *Journal of Contemporary European Studies*. 2013. Vol. 21. Issue 2. Pp. 190–201; Fischer N. Palestinian non-violent resistance and the Apartheid Analogy // *Interventions International*

Третья группа работ обобщает попытки интерпретации исторических аналогий в политическом дискурсе через призму конструктивистских подходов в теории МО. Анализируя роль «уроков прошлого» во внешней политике, М. Расмуссен, Д. Юрглевичуте, Ч. Хеммер и др. авторы последовательно проблематизировали феномены международной субъектности, национальных интересов и идентичностей¹⁰.

Четвертая группа работ отражает вклад в изучение исторических аналогий, внесенный политическими лингвистами¹¹. В отечественной

Journal of Postcolonial Studies. 2020. Vol. 23. Issue 2. Pp. 2–16; Levy D., Sznajder N. Human Rights and Memory. University Park: The Pennsylvania State University Press, 2010. 192 p.; Kirkwood S. History in the service of politics: constructing narratives of history during the European refugee «crisis» // Political Psychology. 2019. Vol. 40. Issue 2. Pp. 297–313; Stein A. Whose memories? Whose victimhood? Contests for the holocaust frame in recent social movement discourse // Sociological Perspectives. 1998. Vol. 41. Issue 3. Pp. 519–540.

¹⁰ Aydın-Düzgüt S. De-Europeanisation through discourse: a critical discourse analysis of AKP's election speeches // South European Society and Politics. 2016. Vol. 21. Issue 1. Pp. 45–58; Berrocal M. Constructing threat through quotes and historical analogies in the Czech and the US «Ukraine Discourse» // Journal of Language and Politics. 2019. Vol. 18. Issue 6. Pp. 870–892; Cameron E. Securitization, memory and the (historic) debate on Scottish independence / Memory and Securitization in Contemporary Europe. London, NY: Palgrave Macmillan. 2018. Pp. 51–75; Dasic M., Nedeljkovic S., Zivojinovic D. Historical analogies in foreign policy decision making: Case of Serbia – U.S. relations after 2000 // Serbian political thought. 2018. Vol. 62. Pp. 119–139; Dreyer N. Genocide, Holodomor and Holocaust Discourse as Echo of Historical Injury and as Rhetorical Radicalization in the Russian–Ukrainian Conflict of 2013–18 // Journal of Genocide Research. 2018. Vol. 20. Issue 4. Pp. 545–564; Gaufman E. Memory, media, and securitization: Russian media framing of the Ukrainian crisis // Journal of Soviet and Post-Soviet Politics and Society. 2015. Vol. 1. Issue 1. Pp. 141–175; Hemmer Ch. Historical Analogies and the Definition of Interests: The Iranian Hostage Crisis and Ronald Reagan's Policy Toward the Hostages in Lebanon // Political Psychology. 1999. Vol. 20. Issue 2. Pp. 267–289; Jurgelevičiūtė D. Istorinių analogijų vaidmuo užsienio politikos procese // Politologija. 2011. Vol. 62. Issue 2. Pp. 43–73; Jutila M. Securitization, history, and identity: Some conceptual clarifications and examples from politics of Finnish war history // Nationalities Papers. 2015. Vol. 43. Issue. 6. Pp. 927–943; Klymenko L. Understanding the Donbas War in Terms of World War II: A Metaphor Analysis of the Armed Conflict in Eastern Ukraine // Formerly Global Review of Ethnopolitics. 2020. Vol. 19, Issue 5. Pp. 483–500; Makhortykh M. #NoKievNazi: Social media, historical memory and securitization in the Ukraine crisis / Memory and Securitization in Contemporary Europe. London, NY: Palgrave Macmillan. 2018. Pp. 219–247; Makhortykh M. Historical memory and securitisation of the Russian intervention in Syria // International Politics. 2020. Vol. 57. Pp. 1063–1081; Rasmussen M. The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past // Review of International Studies. 2003. Vol. 29. Issue 4. Pp. 499–519.

¹¹ Carpenter R. America's tragic metaphor: Our twentieth-century combatants as frontiersmen // Quarterly Journal of Speech. 1990. Vol. 76. Issue 1. Pp. 1–22; Delouis A. When history becomes a metaphor for the present and the future: recent far-right discourse about immigration in the UK [online] // Lexis. 2014. Vol. 8: <https://journals.openedition.org/lexis/205>; Hellsten I. Door to Europe or outpost towards Russia? Political metaphors in Finnish EU-journalism // Journalism at the Crossroads. Perspectives on Research. Tartu. 1997. Pp. 121–141; Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // Peace Research. 1991. Vol. 23. Pp. 25–32; Zinken J. Ideological imagination: intertextual and correlational metaphors in political discourse // Discourse & Society. 2003. Vol. 14. Issue 4. Pp. 507–523; Дулесов Е.П. Милитарная метафора в дискурсе русских националистов начала XX в. / Язык и литература в научном диалоге. Ижевск. 2016. С. 24–30.

интеллектуальной традиции включаемые в политические дискурсы параллели с прошлым, как правило, интерпретируются в категориях теории прецедентности (М.Н. Крылова, Е.А. Нахимова, Д.А. Шевцова)¹². Кроме того, следует упомянуть О.А. Солопову (впервые в российской политической лингвистике использовавшую понятие «историческая метафора»)¹³ и Е.В. Сергееву, предпринявшую единственную на сегодняшний день попытку проанализировать западные подходы к изучению исторических аналогий¹⁴.

Смежным направлением является изучение исторических аналогий в медиадискурсах¹⁵. К сожалению, российские филологи нечасто обращаются к этому явлению, ограничиваясь лишь констатацией факта существования такого инструмента воздействия на общественное мнение¹⁶.

¹² Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Исторические прецедентные феномены как медийный манипулятивный инструмент / *Цивилизационный суверенитет России: проблемы и дискуссии*. М.: ИПЛ. 2017. С. 160–166; Крылова М.Н. «Молчит, как партизан». Прецедентные сравнения из сферы истории // *Русская речь*. 2017. № 6. С. 31–35; Нахимова Е.А. Имена русских царей как прецедентное поле в современных российских СМИ // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2009. № 2. С. 12–19; Нахимова Е.А. Прецедентное имя Керенский в современных отечественных СМИ // *Политическая лингвистика*. 2008. Т. 1. № 24. С. 48–55; Нахимова Е.А. Прецедентное поле «монархи» в отечественных СМИ // *Лингвокультурология*. 2008. № 2. С. 163–171; Нахимова Е.А. Прецедентное поле «Смутное время» в современных СМИ // *Известия Уральского государственного университета: Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры*. 2008. Т. 60. № 24. С. 118–126; Шевцова Д.А. Образы будущего в колумнистике газеты «Московский комсомолец» // *Научный диалог*. 2016. Т. 8. № 56. С. 97–106.

¹³ Солопова О.А. Лингвополитическая прогностика: сопоставительное исследование моделей будущего России в политических дискурсах России, США и Великобритании XIX в. (1855–1881) и XXI в. (2000–2014): дис. ... доктора филологических наук: 10.02.20. Екатеринбург. 2016; Солопова О.А. Метафорическое моделирование образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 год) и Великобритании (2001 год): дис. ... канд. филологических наук: 10.02.20. Екатеринбург: 2006; Солопова О.А. Образ будущего в политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2006. № 19. С. 210–215; Солопова О.А. Кризис «настоящего» в российском политическом дискурсе // *Политическая лингвистика*. 2007. № 22. С. 67–73.

¹⁴ Сергеева Е.В. Исторические аналогии как элемент коммуникации риска в политическом дискурсе / *Историческое сознание и социальная память в условиях конфликта цивилизаций: сборник статей международной научной конференции*. Саратов. 2015. С. 110–116.

¹⁵ Axelrod R., Forster L. How historical analogies in newspapers of five countries make sense of major events: 9/11, Mumbai and Tahrir Square // *Research in Economics*. 2017. Issue 71. Pp. 8-19; Bennett W.L., Lawrence R.G. News icons and the mainstreaming of social change // *Journal of Communication*. 1995. Vol. 45. Issue 3. Pp. 20–39; Edy J.A. Journalistic uses of collective memory // *Journal of Communication*. 1999. Vol. 49. Issue 2. Pp. 71–85; Edy J.A., Daradanova M. Reporting through the lens of the past: from challenger to Columbia // *Journalism*. 2006. Vol. 7. Issue 2. Pp. 131–151; Kitzinger J. Media templates: patterns of association and the (re)construction of meaning over time // *Media, Culture & Society*. 2000. Vol. 22. Issue 1. Pp. 61–84; Lee F.L., Chan J.M., Leung D.K. When a historical analogy fails: Current political events and collective memory contestation in the news // *Memory Studies*. 2019. Vol. 12. Issue 2. Pp. 130–145.

¹⁶ Белковский С.В. Использование исторических материалов в современной газетной публицистике [Электронный ресурс] // *Медиаскоп*. 2013. № 2. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1368> (дата обращения: 01.12.2021); Болотнова Н.С. Регулятивность в публичном аргументативно-

Несколько в стороне от магистральных направлений изучения исторических аналогий сформировалась *пятая группа* работ — небольшой корпус политико-психологических и политико-социологических исследований, посвященных воздействию параллелей с прошлым на общественное сознание, включая протестные установки¹⁷. Одновременно изучалась и обратная зависимость — например, влияние поколенческой принадлежности на «восприимчивость» к тем или иным историческим аналогиям¹⁸.

Шестая группа включает в себя исследования, выполненные в русле междисциплинарного направления «memory studies»¹⁹. К ним можно отнести попытку установить связь между доминирующим «режимом историчности» и спецификой использования исторических аналогий²⁰, а также ряд работ, посвященных формированию конкретных параллелей в историческом сознании²¹.

полемическом медиадискурсе информационно-медийной языковой личности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. Т. 7. № 172. С. 138–145; Газизов Р.Р. Манипулятивные технологии региональных СМИ: тенденции и направления развития в политическом дискурсе 2007–2008 гг. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2009. Т. 151. Кн. 5. Ч. 1. С. 92–98; Дьяченко Д.В. Понятие исторического факта и специфика редакторской работы с ним [Электронный ресурс] // Медиакоп. 2016. Вып. 3. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2148> (дата обращения: 01.12.2021); Олешкевич В.В. Журналистский текст и его влияние на адресата (на примере дела «Pussy Riot») // Труды института бизнес-коммуникаций. Т. 9. СПб.: СПбГУПТД. 2021. С. 82–88.

¹⁷ Chayinska M., McGarty C. The Power of Political Déjà Vu: When Collective Action Becomes an Effort to Change the Future by Preventing the Return of the Past // *Political Psychology*. 2021. Vol. 42. Issue 2. Pp. 201–217; Smeekes A., Van Acker K., Verkuyten M., Vanbeselaere N. The legacy of Nazism: Historical analogies and support for the far right // *Social Influence*. 2014. Vol. 9. Issue 4. Pp. 300–317.

¹⁸ Schuman H., Scott J. Generations and collective memories // *American Sociological Review*. 1989. Vol. 54. Issue 3. Pp. 359–381; Eyerman R. The past in the present: culture and the transmission of memory // *Acta Sociologica*. 2004. Vol. 47. Issue 2. Pp. 159–169; Schuman H., Rieger C. Historical analogies, generational effects, and attitudes toward war // *American Sociological Review*. 1992. Vol. 57. Pp. 315–326.

¹⁹ Собственная школа, изучающая проблематику политического использования прошлого, сформировалась на кафедре истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (А.Ю. Шутов, А.Ю. Бубнов, Д.А. Аникин, А.В. Комплеев и др.). Ее теоретические наработки были положены в основу настоящего исследования.

²⁰ Sangar E. Défendre Duffer's Drift: l'influence de la mémoire collective et du régime d'historicité sur le choix des enseignements historiques en temps de crise [online] // *Temporalités*. URL: <http://journals.openedition.org/temporalites/3085>.

²¹ Rosenfeld G.D. Who was “Hitler” before Hitler? Historical analogies and the struggle to understand Nazism, 1930–1945 // *Central European History*. 2018. Vol. 51. Issue 2. Pp. 249–281; Steinberg J. The Copenhagen Complex // *Journal of Contemporary History*. 1966. Vol. 1. Issue 3. Pp. 23–24; Zaslavsky A. The dark forces: Popular analogies in Russian politics // *Demokratizatsiya*. 2001. Vol. 9. Pp. 75–89; Zerubavel Y. Boundaries, bridges, analogies and bubbles: Structuring the past in Israeli mnemonic culture // *Journal of Israeli History*. 2020. Vol. 38. Issue 1. Pp. 5–23; Аникин Д.А. Легитимация политического порядка в предреволюционном обществе и механизмы политики памяти // Манускрипт. 2016. Т. 12–2. № 74. С.

Проведенный обзор литературы позволяет сделать вывод о том, что несмотря на продолжительную традицию изучения исторических аналогий как инструмента политического прогнозирования и манипулятивного приема, это проблемное поле по-прежнему объединено лишь предметом, оставаясь глубоко фрагментированным в методологическом плане. Актуальность проблематики изучения исторических аналогий в предметном поле современной политологии, вкупе с дефицитом обобщающих исследований по данному вопросу, обусловили выбор темы, объекта и предмета диссертации.

Объект исследования — исторические аналогии во внутри- и внешнеполитических дискурсах.

Предмет исследования — функциональная роль исторических аналогий в политическом дискурсе.

Цель исследования — выявить закономерности проведения исторических аналогий и особенности их функционирования в разных сегментах внутри- и внешнеполитических дискурсов.

Задачи исследования:

- Концептуализировать понятие «историческая аналогия» в рамках политической науки;
- Осуществить категориальный анализ, соотнеся понятие «историческая аналогия» со смежными терминами из других областей знания с целью вычлнить его специфическое содержание;
- Охарактеризовать и рассмотреть методы изучения исторических аналогий в контексте выработки и принятия политических решений;

19–21; Гордон А.В. Великая французская революция как явление русской культуры (к постановке вопроса) / Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (к 95-летию со дня рождения). М: ИВИ РАН. 1998. С. 219–245; Зерубавель Я. Смерть памяти и память смерти: Масада и Холокост как исторические метафоры / История и коллективная память: сборник статей по еврейской историографии. М.: Гешарим. 2008. С. 193–231; Новикова А.А. Историческая память о деятелях реставрации Мэйдзи (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература (реферативный журнал). Сер. 9. «Востоковедение и африканистика». 2015. № 1. С. 192–204; Эрлих С.Е. Метафора мятежа: декабристы в политической риторике путинской России. СПб.: Нестор-История. 2009. 272 с.

- Реконструировать и сопоставить подходы к изучению исторических аналогий в контексте политической коммуникации;
- Проанализировать исторические аналогии, включенные в дискурсы президентов России, Грузии и Франции об операции по принуждению Грузии к миру (2008 г.);
- Проанализировать исторические аналогии о «первой волне» пандемии COVID-19 (март-апрель 2019 г.) в дискурсах ведущих американских и российских печатных СМИ.

Обоснование границ исследования. Диссертационное исследование не затрагивает общих вопросов мышления по аналогии, традиционно изучаемых формальной логикой и шире — философией познания. Вне рассмотрения также осталась специфика функционирования исторических аналогий за рамками политических дискурсов, например, в педагогике или исторической науке. Кроме того, не освещались случаи институциональных заимствований из прошлого, не опосредованных языком («policy learning»).

Гипотеза исследования. Исторические аналогии широко представлены в разных сегментах политического дискурса, выполняя ряд различных функций, связанных как с выработкой политических решений, так и с их последующей легитимацией. При этом частота встречаемости исторических аналогий, как и их репертуар, будут зависеть от сегмента дискурса и его прагматики.

Методологическая основа исследования. Общую рамку исследования задают концепции «исторической культуры» и «культуры памяти», разрабатывавшиеся, в частности, Л.П. Репиной, что позволяет рассматривать исторические аналогии как один из способов актуализации коллективной памяти в политическом дискурсе.

Теоретическая часть исследования выполнена в русле классической программы герменевтики, предполагающей реконструкцию, описание и критический анализ ранее выработанных подходов к изучению исторических аналогий, установление связей между их основными понятиями, выявление «сквозных» исследовательских вопросов. В свою очередь, эмпирическая часть

исследования выполнялась в конструктивистском ключе (конструктивистская позиция в данном случае заключается в том, что «прошлое существует только в тех уроках, которые мы извлекаем из него»)²² с опорой на методологический инструментарий «динамического фрейм-анализа» (Д. Яноу и М. ван Хульст), теорию «конструктивизма правил» (Н. Онуф) и теорию «секьюритизации» (Б. Бузан, О. Уивер и др.).

Эмпирическая база исследования. Для проведения исследования были сформированы две выборки текстов, одна из которых репрезентирует внешнеполитический, а другая — внутривнутриполитический сегменты политического дискурса. В первую выборку вошли материалы, размещенные на официальных сайтах президента Российской Федерации, президента Французской Республики и ежедневном новостном ресурсе НПО «Ассоциация ООН Грузии» за период с 1 августа по 1 октября 2008 г. (данные с официального сайта президента Грузии за указанный период оказались удалены). При необходимости уточнить те или иные аспекты привлекались материалы с официальных сайтов МИД России, Госдепартамента США, информационных ресурсов Южной Осетии и др.

Во вторую выборку включены материалы с официальных сайтов ведущих российских («Известия», «Коммерсантъ», «Российская газета» и «Ведомости») и американских («The New-York Times», «The Washington Post» и «The Wall-Street Journal») федеральных газет, посвященные первой волне пандемии COVID-19, за период с 1 марта по 30 апреля 2020 г. Кроме того, дополнительно была проанализирована рубрика «Коронавирус в России» на портале «РИА Новости», портал телеканала «Fox News», а также иные источники, позволяющие уточнять контексты употребления каждой выявленной исторической аналогии.

Хронологические рамки исследования охватывают прежде всего начало XXI века. По отдельным аспектам исследования автор также обращается к более ранним временным периодам.

²² Rasmussen M. The history of a lesson: Versailles, Munich, and the social construction of the past // Review of International Studies. 2003. Vol. 29. Issue 4. P. 502.

Положения, выносимые на защиту:

1. Историческая аналогия представляет собой *процедуру переноса признаков, характеризующих некую ситуацию (период, явление) в прошлом, на современную ситуацию или гипотетическую ситуацию в будущем, осуществляемую на основании их сходства*. Ее также можно охарактеризовать как один из четырех способов актуализации коллективной памяти в политическом дискурсе — наряду с коммеморацией исторических событий (их означиванием в современном политическом контексте), экстраполяцией исторических тенденций и ретроспективным рассмотрением современных проблем (конструированием нарратива об их предпосылках).

Применительно к анализу политического дискурса представляется целесообразным дополнить структуру аналогии, выработанную в рамках формальной логики, еще одним элементом — *субъектом*, который может быть как *индивидуальным*, так и *коллективным*. Различение исторических аналогий, опирающихся на индивидуальную и на коллективную память, позволяет выделять два уровня их изучения — уровень индивидуального мышления и уровень политической коммуникации.

2. Понятие исторической аналогии вплетено в систему смежных концептов и терминов, выработанных в русле различных дисциплин, однако обладает собственным уникальным содержанием. В отличие от когнитивной метафоры, сфера-источник которой является универсальным концептуальным доменом, исторические аналогии осуществляют перенос признака между пространствами, имеющими конкретные временные и географические координаты. Схожим фиксируются различия между исторической аналогией и когнитивной «схемой», исторической аналогией и прецедентным феноменом, исторической аналогией и символом.

3. Согласно предложенной автором типологии, помещение исторических аналогий в проблемное поле политической науки осуществляется одним из трех способов, каждый из которых предполагает собственную методологию и отражает стоящую за ней систему взглядов. В рамках *«когнитивных» подходов*,

анализирующих дискурс принятия политических решений, историческая аналогия рассматривается как фактор, оказывающий влияние на процесс выработки сценариев и выбора стратегии. Большая часть теоретических наработок, сформулированных в рамках «когнитивно-нормативного» подхода, де-факто дублирует выводы о построении аналогий, уже известные из формальной логики. В свою очередь, проблемой «когнитивно-дескриптивных» подходов является недостаточная верифицируемость их выводов. Даже подтверждение того, что лицо, принимающее решение, находилось под влиянием исторической аналогии, не дает оснований утверждать, что на него одновременно не оказывали влияния другие, в том числе неизвестные исследователю, обстоятельства.

4. В рамках *коммуникативных подходов*, анализирующих политико-идеологические дискурсы, исторические аналогии рассматриваются как инструмент оказания убеждающего воздействия на оппонента или третьих лиц. В свою очередь, *конструктивистские подходы* акцентируют внимание на роли исторических аналогий как своего рода «языка» описания политической реальности. Поскольку результаты ранее проведённых эмпирических исследований не позволяют однозначно подтвердить способность исторических аналогий влиять на политические установки и стереотипы, более продуктивными, на наш взгляд, оказываются конструктивистские подходы (методологии, разработанные в русле «конструктивизма правил» или теории секьюритизации).

5. Исследование подтвердило, что исторические аналогии включаются во внешнеполитические дискурсы (при том условии, что им свойственна диалогичность) с целью «заимствовать из прошлого» (де-факто — вырабатывать) новые неформальные правила взаимодействия между политическими акторами в условиях изменившейся международной среды. На рассматривавшемся примере президентских внешнеполитических дискурсов об операции России по принуждению Грузии к миру (2008 г.) установлено, что исторические аналогии являются легитимным и активно используемым

способом политической актуализации прошлого, однако их удельный вес в президентских дискурсах различается (наиболее часто к историческим аналогиям прибегал президент Грузии, кроме того, спектр его исторических аналогий был наиболее широк).

Используя параллели с прошлым для символического кодирования самого факта вооруженного противостояния в период проведения операции по принуждению Грузии к миру, признания Россией суверенитета Южной Осетии и Абхазии, а также иных последовавших за этим изменений в системе международных отношений, стороны конфликта сигнализировали формально не вовлеченным в конфликт акторам о своих ожиданиях, равно как и о взятых на себя в одностороннем порядке обязательствах.

Одновременно с тем, в рамках монологических президентских дискурсов, ориентированных на национальную аудиторию, исторические аналогии успешно выполняли функцию секьюритизации, прежде всего, способствуя конструированию тех или иных «референтных объектов». В первом случае «сферой-источником» аналогий служила глобальная политическая память (широко известные, во многом деконтекстуализированные, исторические события, такие как «мюнхенский сговор», «холодная война» или террористические атаки 11 сентября), а во втором случае — национальная память соответствующих стран.

6. Сравнительный анализ российского и американского сегментов медиадискурса о первой волне пандемии COVID-19 (2020 г.) продемонстрировал, что включение исторических аналогий в медиадискурс, как правило, осуществляется в целях установления интерпретативного доминирования. Параллели с прошлым оказывают влияние на приоритизацию проблем, формирование образов отдельных акторов и оценку эффективности проводимой ими политики. И в российском, и в американском случаях конструирование образа первой волны пандемии COVID-19 было осуществлено посредством исторических параллелей с крупными эпидемиями, вооруженными конфликтами и экономическими потрясениями, «репертуары» которых во

многим пересекались. При этом обращают на себя внимание количественная диспропорция исторических аналогий (доля которых в американском сегменте медиадискурса оказалась выше) и разная степень критичности по отношению к выводам, полученным посредством исторических аналогий (оказалась выше в российском случае).

В ходе исследования медиадискурса также были выделены четыре стратегии оспаривания исторических аналогий: опровержение релевантности исторической аналогии (через утверждение о несоответствии соотносимых признаков в двух сопоставляемых ситуациях или, реже, через указание на вероятностный характер любого трандуктивного умозаключения); проведение исторической аналогии с опорой на другую «сферу-источник»; пересмотр прецедентного нарратива (критика нарратива о событии, взятом в качестве «сферы-источника», позволяет поставить под сомнение и выводы, полученные посредством проведения аналогии), выведение альтернативных «уроков» (через указание на то, что переносимый признак является не единственным).

Научная новизна. Настоящее исследование является первым систематическим изложением теоретических подходов к изучению исторических аналогий в отечественной политической науке, выполненным на диссертационном уровне, намечает новый ракурс в изучении феномена политического использования прошлого.

Диссертантом предложена оригинальная типология подходов к изучению исторических аналогий, уточнена роль «субъекта» аналогии, выделены три типа исторических аналогий, впервые систематизированы функции исторических аналогий в политическом дискурсе.

Осуществлена концептуализация понятия «историческая аналогия» в предметном поле современной политической науки, рассмотрены его отличия от смежных терминов, выработанных в русле психологии, политической лингвистики, культурологии и других дисциплин.

Впервые осуществлена теоретическая реконструкция основных подходов к изучению исторических аналогий, описаны их ключевые понятия и внутренняя

структура. Определены границы применимости каждого из этих подходов, выявлены общие проблемные вопросы, позволяющие рассматривать их как единую систему взглядов.

Подробно проанализированы подходы к изучению исторических аналогий в контексте политической коммуникации, обоснована демаркация коммуникативных и дискурсивных подходов, продемонстрирована связь между структурой коллективной памяти сообщества и репертуаром исторических, аналогий встречающихся в политических дискурсах.

Разработана и апробирована отечественная методология изучения исторических аналогий во внешнеполитических дискурсах с использованием методологических решений Н. Онуфа. Реконструирован спектр исторических аналогий, использовавшихся в президентских дискурсах России, Грузии и Франции в период операции по принуждению Грузии к миру и последующего процесса урегулирования, выявлена их функциональная роль.

Подробно рассмотрены особенности использования исторических аналогий в медиадискурсах России и США, построенных вокруг первой волны пандемии COVID-19. Выделены и охарактеризованы основные стратегии оспаривания исторических аналогий.

Научно-практическая значимость диссертационной работы определяется тем, что ее выводы позволяют усовершенствовать концептуальные подходы к исследованию практик политического использования прошлого. Они создают задел для более всестороннего осмысления роли образов прошлого в политическом дискурсе, свидетельствуют о необходимости изучения разных форм «исторической политики» не только на макро-, но и на микроуровне. Кроме того, результаты исследования пригодны для использования в подготовке актуальных учебных курсов для студентов и аспирантов.

Апробация диссертационной работы. Основные результаты, положения и выводы диссертации опубликованы в 21 научной публикации (общим объемом 10,2 п. л.), размещенных в рецензируемых изданиях, 5 из которых (объемом 3,7 п. л.) входят в перечень журналов, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о

присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова по политическим наукам.

Основные положения исследования были апробированы диссертантом при подготовке рабочей программы дисциплины «Историческая политика современной России», а также в ходе реализации трех исследовательских проектов, выполнявшихся в составе научных коллективов²³. Отдельные положения, выносимые на защиту, представлены диссертантом на 6 научно-исследовательских конференциях всероссийского и международного уровней²⁴.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры истории и теории политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова и рекомендована к защите.

Структура диссертации соответствует цели, задачам и логике исследования и состоит из введения, трех глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка литературы из 323 наименований.

²³ «Исторические аналогии как фактор восприятия политической реальности в молодежной среде» (РФФИ, ЭИСИ № 19-011-33046); «Конструирование исторической памяти о военных конфликтах в сетевых сообществах: базовые нарративы, типы идентичности, политические риски» (РФФИ № 19-011-00833 А); «Институционально-правовые и дискурсивные основания интерпретации истории в публичном поле. К вопросу о феномене исторической политики» (внутренний конкурс «Проектные научные коллективы Российского государственного гуманитарного университета» в 2021 г.).

²⁴ Международная конференция «Вопросы национальной и культурной идентичности в России и Германии: личность, общество и государство в исторической и философской мысли», ФРГ, г. Мюнхен, 27–29 ноября 2019 года; Международная научно-практическая конференция «История современности. Информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом», г. Москва, РГГУ, 28–29 ноября 2019 года; II Всероссийский исторический форум «История, культура и память», г. Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, 4 июня 2021 года; IX Международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды», г. Москва, Институт российской истории РАН, 11–14 октября 2021; Международная научно-практическая конференция «Будущее нашего прошлого–7: историческая память и коммеморативные практики», г. Москва, РГГУ, 25–26 ноября 2021; IV Международная историческая школа Российского исторического общества, г. Екатеринбург, УРФУ, 30 сентября – 4 октября 2022.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы диссертации с учетом степени ее разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования. Сформулирована научная гипотеза, характеризуется методологическая основа с описанием набора методов исследования, его эмпирической базы. Представлен перечень положений, выносимых на защиту, приводятся аргументы, наглядно иллюстрирующие научную новизну и научно-практическую значимость настоящей диссертационной работы.

Первая глава «Теоретико-методологические основы изучения исторических аналогий в предметном поле политических наук» включает в себя два параграфа. *В первом параграфе*, озаглавленном «Историческая аналогия как предмет политологических исследований: определение, структура, функции», предпринимается попытка концептуализировать понятие исторической аналогии, определить основные структурные элементы исторической аналогии и систематизировать уже имеющиеся в литературе сведения о функциональной роли исторических аналогий в политическом дискурсе.

Отталкиваясь от рассмотрения причин, побуждающих политических акторов обращаться к образам прошлого, автор констатирует существование четырех форм актуализации коллективной памяти в политическом дискурсе: коммеморация, то есть переозначивание исторического события в современном контексте; помещение современной проблемы в исторический контекст; экстраполяция исторических тенденций в будущее и проведение исторической аналогии.

По итогам анализа практики употребления термина «историческая аналогия» в научной литературе делается вывод о том, что в зависимости от целей исследования данным понятием могут обозначаться «когнитивные» (индивидуальная ментальная операция), «стратегические» (речевой акт) или коллективно-разделяемые аналогии (дискурсивная конструкция). Все три случая объединяет общая структура, элементами которой являются сфера-источник

(нарратив о прецедентном событии), сфера-мишень (ситуация в настоящем или будущем, на которые проецируется сфера-источник), процесс переноса признака, уроки (выводы, полученные в результате аналогии, ее прагматический аспект) и субъект аналогии (человек или группа лиц, использующие аналогию).

Делается вывод о том, что помещение исторических аналогий в проблемное поле политической науки может осуществляться тремя способами, каждый из которых предполагает собственную методологию и отражает стоящую за ней систему взглядов. Речь может идти об изучении факторов, оказывающих влияние на процесс выработки и принятия политических решений («когнитивные» подходы), факторов, способствующих успешной убеждающей коммуникации в политико-идеологическом дискурсе (коммуникативные подходы), и процессов конструирования социально-политической реальности (конструктивистские подходы). Выбор подхода влечет за собой принятие соответствующей оптики, при помощи которой исследователь рассматривает элементы исторической аналогии.

Опираясь на ранее разработанную типологию подходов к изучению исторических аналогий, автор разделяет функции, выполняемые историческими аналогиями в политическом дискурсе, на четыре категории: «когнитивные», эмотивные, убеждающие и конструктивистские. К «когнитивным» предлагается отнести познавательную функцию, ограничивающий эффект, прогностическую функцию, проективную функцию и функцию проверки гипотез. К эмотивным — оценочную и терапевтическую функции. К убеждающим — фреймирующую, (де)легитимирующую и мобилизующую функции. К конструктивистским — функцию укрепления идентичности, функцию создания «темпорального пузыря», эффект определения целей/интересов и функцию выработки международных правил. Указывается, что каждая из этих функций может оказывать влияние самостоятельно или же, в зависимости от ситуации, они могут дополнять друг друга.

Во втором параграфе «Понятие “исторической аналогии”: категориальный анализ» автор последовательно соотносит историческую

аналогию с понятиями «историческая метафора», «когнитивная схема», «опыт», «прецедентный феномен», «символ», «символический мост» и «нарративный шаблон». Постулируется, что понятие «историческая аналогия» вплетено в систему смежных концептов и терминов, выработанных разными дисциплинами, однако смысловая дистанция между ними свидетельствует об отсутствии понятия-синонима, которым описывались бы все аспекты рассматриваемого предмета.

Вторая глава «Проблемные аспекты основных подходов к изучению исторических аналогий» также состоит из двух параграфов. *Первый параграф* «Исторические аналогии в контексте выработки и принятия политических решений» описывает исследовательские стратегии, рассматривающие исторические аналогии в контексте выработки и принятия политических решений. Автором предпринята попытка очертить круг характерных черт ситуации, в которой возрастает вероятность использования мышления по аналогии. Анализируются факторы, оказывающие влияние на уровень доверия к историческим аналогиям, а также определяющие выбор субъектом аналогии конкретной сферы-источника. Там же описываются «ошибки восприятия», обусловленные историческими аналогиями, ставится вопрос о соотношении их «когнитивных» и «стратегических» функций в рамках дискурсов принятия политических решений.

Делается вывод о том, что «когнитивные» подходы рассматривают исторические аналогии в качестве одного из факторов, оказывающих влияние на принятие политических решений. При этом их можно разделить на нормативный и «когнитивно-дескриптивный» подходы. Первый призван выработать правила оптимального принятия решений по аналогии, а второй описывает процессы мышления по аналогии на практике (в зависимости от используемой при этом методологии можно выделить политико-психологический и исторический когнитивно-дескриптивные подходы).

К преимуществам «когнитивной» исследовательской оптики автор относит тот факт, что историческая аналогия рассматривается в ней как

«независимая переменная», позволяющая объяснять поведение политических акторов в кризисных ситуациях. Вывод о том, что некое политическое решение было принято с опорой на исторический прецедент, комплементарно сопрягается с другими выводами, полученными на более высоких уровнях анализа международных отношений. С другой стороны, отмечается, что большая часть теоретических наработок, сформулированных в рамках «когнитивно-нормативного» подхода, по сути дублирует выводы о построении аналогий, уже известные из формальной логики. Проблемой «когнитивно-дескриптивных» подходов, в свою очередь, является оспоримость получаемых с их помощью выводов. Даже однозначное подтверждение того, что лицо, принимающее решение, находилось под влиянием исторической аналогии, не дает оснований утверждать, что на него одновременно не оказывали влияния другие, в том числе неизвестные исследователю, обстоятельства. Проблема осложнена и тем, что при анализе случаев принятия решения в группе чрезвычайно сложно определить, когда историческая аналогия использовалась «когнитивно», а когда представляла собой убеждающий прием.

Во втором параграфе — «Исторические аналогии в контексте политической коммуникации» — рассмотрены коммуникативные и конструктивистские подходы к изучению исторических аналогий. Различие между ними заключается в том, что первые анализируют роль исторических аналогий в контексте политической коммуникации, опираясь в том числе на социологическую методологию, в то время как вторые фиксируют взаимообуславливающую связь между репертуаром исторических аналогий, рамками дискурса и идентичностью сообществ. В русле коммуникативного подхода выделяются два направления: первое сосредоточено на использовании исторических аналогий в малых группах, находящихся в процессе выработки коллективного решения (например, органах представительной власти), а второе — на использовании исторических аналогий в массовой коммуникации, оценке их воздействия на установки и стереотипы общественного сознания. При этом автор уточняет, что помимо функции убеждения, параллели с прошлым могут

быть как провоцирующим фактором, так и, напротив, формировать предпосылки для сближения позиций сторон.

Особое внимание уделено конструктивистским подходам, которые перекидывают своеобразный «мост» между наработками в области изучения «культур памяти» и рассматриваемой проблемной областью. Конструктивистская оптика, по мнению автора, позволяет перенести внимание с индивидуальных субъектов, использующих исторические аналогии, на обстоятельства, позволяющие параллелям с прошлым обретать свойства своеобразного «языка» описания политической реальности. Она же подводит к выводу о том, что проведение аналогии и ее восприятие осуществляются в разных модусах восприятия прошлого (проведение аналогии — в «конструктивистском», а считывание — в «эссенциалистском»). Иными словами, проведению исторической аналогии предшествует дискурсивное конструирование «события» (сферой-источником не может являться неструктурированная совокупность фактов — только организованная в нарратив). Это обстоятельство может рассматриваться как дополнительное опровержение «когнитивных» подходов.

В третьей главе «Апробация методов изучения исторических аналогий во внутри- и внешнеполитических дискурсах», также состоящей из двух параграфов, предпринята попытка выявить особенности функционирования исторических аналогий в разных сегментах политического дискурса. *В первом параграфе* — «Исторические аналогии в президентских дискурсах России, Грузии и Франции об операции по принуждению Грузии к миру в августе 2008 г.» — для изучения президентских дискурсов об операции по принуждению Грузии к миру автором разрабатывается методология на основе теории «конструктивизма правил» Н. Онуфа, в рамках которой публично озвученные параллели с прошлым рассматриваются как репрезентативные высказывания о сходстве прецедентной и наблюдаемой ситуаций. Утверждается, что первостепенной задачей акторов, оказавшихся в ситуации неопределенности, характеризующейся высокими рисками, будет выработка новых неформальных

правил, формально «заимствуемых» из прошлой, более знакомой ситуации. Как следствие, внимание автора сосредоточивается не на всех параллелях с прошлым, а лишь на тех из них, которые были признаны релевантными более чем одним актором. Именно на основании сходства «сферы-источника» и «сферы-мишени» акторами осуществляется извлечение из прецедентной ситуации соответствующих директивных и комиссивных правил, которые начинают неформально регламентировать их поведение уже в новой, наблюдаемой ситуации.

Ограничения теории «конструктивизма правил», не позволяющие применять ее к монологичным дискурсам, прежде всего направленным на внутреннюю аудиторию, побудили осуществлять анализ подобных случаев при помощи теории «секьюритизации». На конкретных примерах было доказано, что параллели с прошлым позволяют сконструировать референтный объект как в рамках секьюритизации, так и в случае «контр-секьюритизации».

Во *втором параграфе* — «Исторические аналогии в медиадискурсе (на примере освещения “первой волны” пандемии COVID-19 в российских и американских СМИ)» — функционирование исторических аналогий описывалось теорией динамического фрейм-анализа. По утверждению автора через отсылку к известным фреймам параллель с прошлым оказывает влияние на приоритизацию проблем, формирование образов отдельных акторов и проводимых ими политик. Анализ текстового материала позволил разделить процесс конструирования нарратива о некоем событии и проведение аналогии с опорой на него. Было отмечено, что конструктивистский и эссенциалистский модусы восприятия прошлого зачастую сменяются в рамках одного текста (например, критикуется якобы «ложный» нарратив, а затем проводится аналогия с опорой на альтернативный нарратив, на этот раз интерпретируемый в категориях «объективного» исторического опыта). При анализе эмпирического материала автором были рассмотрены репертуары исторических аналогий, выделены группы «эпидемических», «военных» и «экономических» аналогий, проанализирована частота их встречаемости. На примере американского

сегмента медиадискурса продемонстрированы примеры, иллюстрирующие стратегии оспаривания исторических аналогий в контексте борьбы за интерпретативное доминирование.

В заключении диссертации излагаются следующие выводы:

1. Подтверждена гипотеза о том, что исторические аналогии представлены в разных сегментах политического дискурса, причем частота их встречаемости, как и репертуар, зависят от сегмента дискурса и его прагматики. Из этого следует, что анализ репертуаров параллелей с прошлым позволяет точнее охарактеризовать прагматику рассматриваемого сегмента дискурса, лучше выявить интенции политических акторов, а также реконструировать порядок приоритетности тех или иных событий в коллективной памяти изучаемой социальной группы.

2. В наиболее общем виде историческая аналогия может рассматриваться как процедура переноса признаков, характеризующих некую ситуацию (период, явление) в прошлом, на современную ситуацию или гипотетическую ситуацию в будущем, осуществляемую на основании их сходства. Кроме того, историческая аналогия является одним из четырех способов обращения к прошлому в политическом дискурсе — наряду с коммеморацией исторического события, ретроспективным рассмотрением современной проблемы и экстраполяцией «исторических тенденций».

3. Проведение исторической аналогии может осуществляться как на уровне индивидуального сознания (например, в рамках выработки и принятия некоего политического решения), так и в контексте массовой коммуникации, где установить субъекта аналогии будет уже затруднительно. Скорее наоборот, в ситуациях кризиса сами коллективно-разделяемые параллели с прошлым зачастую становятся способом артикулировать идентичность, определить и переутвердить «нас».

4. Проведение исторической аналогии невозможно без заранее сконструированного нарратива, «события», выполняющего функцию «сферы-источника». Обращение к прошлому, даже с позитивистской целью «извлечения

уроков», само по себе является избирательным. Если же говорить о политической коммуникации, то дискурсивная природа «события» открывает широкий простор для оспаривания исторических аналогий, которое может осуществляться с четырех основных позиций: опровержение релевантности исторической аналогии; проведение исторической аналогии с опорой на другую «сферу-источник»; историческая критика прецедентного нарратива и выведение альтернативных «уроков» (через указание на то, что переносимый признак является не единственным).

5. С методологической точки зрения изучение исторических аналогий может осуществляться как путем выявления функциональной роли конкретной параллели с прошлым, так и через комплексный анализ их репертуара в отдельно взятом сегменте дискурса. В последнем случае выбор конкретного подхода будет зависеть от свойств рассматриваемого дискурса, его диалогичности или монологичности, направленности и прагматики. Например, президентские внешнеполитические дискурсы, построенные вокруг операции по принуждению Грузии к миру, являлись преимущественно диалогичными, допускающим как достижение, так и недостижение консенсуса в отношении конкретных исторических аналогий. Это побудило использовать для анализа теорию «конструктивизма правил», в рамках которой публично озвученные параллели с прошлым рассматриваются как репрезентативные высказывания о сходстве прецедентной и наблюдаемой ситуаций. В тех случаях, когда сообщения адресовывались внутренней аудитории, президентские дискурсы приобретали черты монологических. Для их анализа применялась «теория секьюритизации», в рамках которой исторические аналогии рассматривались как элементы «грамматики безопасности».

6. Межстрановой анализ продемонстрировал, что и в российском, и в американском случаях конструирование образа первой волны пандемии COVID-19 осуществлялось посредством исторических параллелей с крупными эпидемиями, вооруженными конфликтами и экономическими потрясениями, репертуары которых частично пересекались. При этом обращает на себя

внимание количественная диспропорция исторических аналогий, доля которых в американском сегменте медиадискурса оказалась выше, а также разная степень критичности по отношению к выводам, полученным посредством исторических аналогий (оказалась выше в российском случае).

7. Перспективы дальнейших исследований диссертационной темы видятся в разработке ряда не рассмотренных проблем.

Во-первых, представляет интерес ранее отмечавшаяся отдельными авторами способность исторических аналогий этически атрибутировать те или иные способы политического действия.

Во-вторых, противоречивые результаты эмпирических исследований, проводившихся на малых выборках, преимущественно в Западной Европе и в США, не позволяют однозначно очертить границы влияния исторических аналогий на политические установки и стереотипы общественного сознания.

В-третьих, более подробного изучения требует предполагаемая нами корреляция между историческими аналогиями и сегментами политико-идеологического дискурса (эвристически продуктивной представляется гипотеза о том, что удельный вес параллелей с прошлым в консервативном сегменте дискурса может оказаться выше, нежели в других).

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные результаты, положения и выводы диссертации опубликованы в 21 научной публикации (общим объемом 10,2 п. л.).

Публикации в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по политическим наукам

1. Аникин Д.А., Беклямишев В.О. Исторические аналогии в дискурсе Русской православной церкви Московского патриархата о внутривославном кризисе 2018–2019 гг. // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 3–16 (ИФ РИНЦ – 0,45);

2. Беклямишев В.О. Исторические аналогии в президентских дискурсах России, Грузии и Франции о Пятидневной войне в августе 2008 года // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 1. С. 77–92 (ИФ РИНЦ – 0,45);
3. Беклямишев В.О. К вопросу об изучении исторических аналогий в политическом дискурсе: описание проблемного поля // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 6. С. 92–107 (ИФ РИНЦ – 0,61);
4. Беклямишев В.О. Вторая мировая война, «испанка» или Чернобыль? Пандемия COVID-19 в зеркале исторических аналогий (по материалам американского и российского медиадискурса) // Вестник Московского государственного областного университета. (электронный журнал). 2020. № 2. С. 84–96. doi.org/10.18384/2224-0209-2020-2-1002 (ИФ РИНЦ – 0,78);
5. Беклямишев В.О., Буров А.С. Особенности «рассудочно-эмпирического» типа исторического сознания современной молодежи (на примере исторической аналогии между современной Россией и «брежневским» СССР) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 2. С. 105–114 (ИФ РИНЦ – 0,61).

Другие научные публикации

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях из списка ВАК:

6. Беклямишев В.О. Историческая память о Великой Отечественной войне в комментариях пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Вестник государственного и муниципального управления. 2021. Т. 10. № 1 (39). С. 12–24;
7. Беклямишев В.О. Концептуализация понятия «историческая аналогия» в междисциплинарном проблемном поле // ЛОКУС: «люди, общество, культура, смыслы». 2019. № 4. С. 84–95;
8. Беклямишев В.О. «Назад в будущее»: образы модернизационных реформ в коллективной памяти россиян // Управленческое консультирование. 2017. № 2 (98). С. 95–102.

Публикации в иных рецензируемых изданиях:

9. Беклямишев В.О. Конструирование образа голода 1932–1933 гг. в дискурсе Русской православной церкви Московского патриархата // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3. № 2. С. 61–67;
10. Беклямишев В.О. Образ Зимней войны 1939–1940 гг. в интернет-дискурсе пользователей социальной сети «ВКонтакте» 2019 // *SCHOLA-2019: сборник научных статей факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова*. 2019. Т. 20. С. 376–380;
11. Могилевский К.И., Беклямишев В.О. Значение Российского исторического общества в формировании современной исторической культуры // Доклады Международной научно-практической конференции «История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом». М.: РГГУ, 2019. С. 314–319;
12. Беклямишев В.О., Стоцкий А.С., Никитин В.Ю. Исторические аналогии в современном политическом дискурсе и в историческом сознании российской молодежи // Доклады Международной научно-практической конференции «История современности: информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом». М.: РГГУ, 2019. С. 51–57;
13. Беклямишев В.О. Панельная дискуссия «Математическое моделирование и прогнозирование исторических процессов» на XIX Всемирном фестивале молодежи и студентов // Ежегодник «История и Математика: социально-экономические аспекты истории и современности». Волгоград: «Учитель», 2018. С. 239–244;
14. Беклямишев В.О. 100-летие революции 1917 года в России: особенности и тенденции государственной исторической политики // *Русская политология*. 2017. № 2 (3). С. 110–113;
15. Беклямишев В.О. На пути к юбилею Октября: забвение, отрицание и конструирование смыслов // Советское общество: идеи, результаты и оценки. Материалы всероссийской научной конференции. Под общей редакцией А.Б. Ананченко. 2017. С. 145–151;

16. Беклямишев В.О. Современная система государственного управления в сфере исторической памяти // Культурная память и культурная идентичность. Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых (XI Колосницынские чтения). 2016. С. 23–26;
17. Беклямишев В.О. Теоретические основы исторической политики: системный анализ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 9-2. С. 212–215;
18. Беклямишев В.О. Коллективная память о победе в Великой Отечественной войне под влиянием Украинского политического кризиса // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5. С. 9–17;
19. Беклямишев В.О. Противостояние систем исторических легитимаций в период крымского политического кризиса // Культура и глобализация: традиция, память, идентичность. Материалы Международной научной конференции. 2015. С. 99–103;
20. Беклямишев В.О. Образ крушения Советского государства в партийной исторической политике современной России (по материалам программных заявлений) // Universum: общественные науки. 2014. № 3 (4). С. 5–19;
21. Беклямишев В.О. Структура и механизмы формирования историко-политической культуры современной России // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2014. Т. 5. № 5 (17). С. 172–179.